

1) 政党积极的参加竞选, ▪ 的是保留自己的成果。

Партия активно участвует в выборах, чтобы сохранить свои завоевания.

Говоря о средствах связи, относящимся к специальным лексическим элементам, заметим, что в предложениях этой разновидности кроме побудительных глаголов могут употребляться слова типа 免得 *miande* – во избежание того чтобы, чтобы

1) 他按时回家, 免得父母担心。

Он вернулся вовремя, чтобы не волновать родителей.

2) 学生们提前考试, 免得耽误实习。

Студенты сдали экзамены досрочно во избежание того, чтобы не опоздать на практику.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

д.филол.н., профессор Полонский А.В.

*Россия, г. Белгород, ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»*

Ключевой особенностью современного мира с его многочисленными глобальными и региональными социальными проектами становится диалог культур. По образному и весьма точному определению Д.С. Лихачева, «наша Земля, – это Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве» [Лихачев 1991: 164]. Не случайно поэтому опознавательным знаком современного общества, пытающегося определить ценностные основания жизни человека, вступившего в мир жестко конкурирующих смыслов – знаний, ценностей и норм, является межкультурная коммуникация как взаимодействие субъектов, принадлежащих разным культурам, с целью информационного обмена.

Теория межкультурной коммуникации в условиях чрезвычайного «уплотнения» социальных и международных связей привлекает все большее количество исследователей, поскольку все более актуальным становится межкультурный контекст коммуникации во всех сферах деятельности человека – в обучении иностранным языкам, в менеджменте, в рекламе, в туризме, в масс-медиа и т.д. Хотя, надо заметить, сама коммуникация как встреча сознаний всегда чувствительна к межкультурному контексту, поскольку сознание – это интегральное, сложно структурированное и культурно обусловленное знание, следовательно, коммуникация – это не просто обмен с той или иной целью информацией между взаимодействующими субъектами, а, как сказал Ю.М. Лотман, перевод текста с языка моего “я” на язык твоего “ты” [Лотман 1977].

Осмысление механизмов межкультурной коммуникации востребовано практикой жизни современного человека, который не может осуществить свою социальную субъектность в условиях информационной изоляции, который находится в ситуации востребованного или вынужденного, истинного или показного, запланированного или случайного, но всегда неизбежного диалога с другим, имеющим этнические, мировоззренческие, идеологические, религиозные, образовательные, гендерные, возрастные, корпоративные, наконец, индивидуально-личностные особенности. Как говорил Ф. Ницше, «мы должны время от времени ... научиться смотреть на себя со стороны – со всех сторон – как будто бы из зала...»

Культура как результат солидарного усилия творческой мысли общества, как организованное смысловое пространство, как нравственный и эстетический выбор, осуществленный обществом в практике освоения и осмысления окружающего мира, как духовная традиция, сформировавшаяся не одним поколением, представляет собой механизм поддержания жизненного уклада и упорядочивания поведения человека. Однако по своему содержанию и стилю культура не однообразна, а многообразна, вариативна. Она вырабатывает разные поведенческие модели, открыта для сотворчества, для создания новых программ. Она не лишает человека, как говорил философ, «свободы использования разума», то есть свободы мировоззренческого выбора, без которой, как известно, не может состояться личность. «Личностное действие, – говорил М. Мамардашвили, – это то, для чего не надо указывать никаких причин, что невыводимо из того, как принято в данном обществе, невыводимо и совершилось не потому, что в данной культуре такой навык и так уговорились считать, поступать, делать» [Мамардашвили 1994].

Социокультурную «грамматику», то есть формы поведения и способы социального взаимодействия, человек постигает, конечно, по-разному:

- овладевая родным или иностранным языком, хранящим в своей семантике важнейшие культурные смыслы;
- узнавая традиции, обычаи, ритуалах, обрядах и непосредственно в них участвуя;
- получая воспитание и образование;
- усваивая культурные образцы в процессе своей многообразной практики жизни, вчитываясь в ее тексты, вслушиваясь в ее ритмы, всматриваясь в ее рисунок.

Освоение знаний, культурных ценностей и норм обеспечивает «вхождение» человека в общество и культуру в качестве их полноправного субъекта. Этот процесс очень непростой, непрямолинейный, многоплановый, включающий механизмы социализации, инкультурации и аккультурации.

Социализация – это процесс формирования у человека востребованных обществом знаний, качеств, свойств и умений, позволяющих ему осуществить свою социальную субъектность, выполняя в условиях социально-коммуникативного взаимодействия с другими субъектами характерные для общества социальные роли и различные виды социальной деятельности по предписанным обществом правилам (см., например: «Итальянцы очень любят

покушать. Это важный и торжественный ритуал в каждой семье. Кушают они много и со вкусом. Итальянская кухня, действительно, очень вкусная. Почти все итальянки умеют хорошо готовить и у них полезно этому научиться. Бытует мнение что итальянцы едят одни макароны (пасту), но это не так. Просто паста является первым блюдом, как у нас суп. У нас бывают разные супы, а у них паста со всевозможными соусами. На второе – мясо или рыба тоже в разных вариациях, как и у нас, на третье – десерт и т.д. Короче, еда очень разнообразная и в двух словах все не опишешь. Лично я люблю настоящую итальянскую пиццу и салат из морепродуктов – <http://zagranicey.ru/italy1/>»).

Социализация обеспечивает функционирование общества в соответствии с разработанными и принятыми им когнитивно-коммуникативными моделями.

Процесс социализации зависит, с одной стороны, от характера передачи обществом своего наработанного, освоенного и отрефлексированного опыта, а с другой – от человека, осваивающего его как с момента рождения (в процессе первичной социализации), так и с момента возникшей потребности (в процессе вторичной социализации – у иммигрантов и экспатов). Недостатки в системе социализации (первичной и вторичной) создают конфликтные ситуации как между поколениями, так и между разными социальными группами, в том числе между т.н. «местными (автохтонами) и приезжими (иммигрантами).

Инкультурация (термин в 1948 г. ввел американский этнограф и антрополог М.Д. Херсковиц) представляет собой сложный, многоступенчатый процесс духовного усвоения человеком сущностных особенностей культуры, ее архетипов, ценностей, норм, стереотипов, символов, традиций, а также репрезентативной совокупности текстов и культурного ономастикона. Это – процесс включения в сознание человека событий и образов социальной памяти как переживаемого знания, усвоения присущего культуре уникального способа видения мира (менталитета), отраженного в совокупности культурных текстов и в языке. Социализация и инкультурация подразумевают усвоение человеком содержательных форм и образцов, разработанных определенным обществом, однако, однако это разные процессы.

В результате социализации человек обретает совокупность навыков и знаний, позволяющих ему исполнять без затруднений и сбоев обязательные для общества социальные роли в соответствии с определенными социальными моделями и быть его полноправным членом.

Инкультурация – это процесс более длительный, предполагающий не техническое освоение социокультурных практик, а духовное укоренение осваиваемых культурных смыслов, формирование на этой основе рефлексивно-оценочного отношения к окружающему миру (картины мира) и к себе, умения раскрывать в диахронии и синхронии культурные коды общества. В процессе инкультурации формируется этнокультурная идентичность личности, понимание себя как субъекта культуры, ее представителя. Как, например, сказал первый русский лауреат Нобелевской премии в области литературы И.А. Бунин: «Может человек забыть Родину? Она – в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает».

При этом безусловно личность обнаруживает свой мировоззренческий, волевой и творческий ресурс в максимальном, говоря словами Б. Пастернака, «выявлении себя вовне».

Аккультурация (термин введен в научный обиход в работах американских исследователей, в частности, У. Хоумза, в 1930-х гг. в связи с изучением культуры американских индейцев) обозначает процесс взаимодействия культур. Аккультурация представляет собой процесс присвоения (заимствования) человеком или культурой норм, ценностей и традиций другой культуры и включение их в свою духовно-мировоззренческую структуру. Так, например, углубленное изучение западной литературы и культуры, а также библейских источников, повлияло на эстетическую и мировоззренческую составляющую поэта, нобелевского лауреата И.А. Бродского, утверждавшего своим творчеством важность непреходящих духовных ценностей и в их обновлении. Благодаря знанию иностранных языков он не только открыл для себя мир другой культуры, но и снискал репутацию человека, свободно обращающегося к различным культурным традициям. Ф. Эберштадт писала о нем: «В отличие от большинства писателей из России и Восточной Европы, поселившихся на Западе, Бродский усвоил английский язык как родной, присовокупив к этому независимость мысли, насыщенность и филигранную отделку материала, наконец, пристрастие к использованию неиссякаемой авторской идиоматики».

В условиях глобализирующейся жизни и ее абсолютной открытости внешнему миру современный человек «обречен» на взаимодействие с другим, проживающим в соседней квартире или в соседнем доме, в другом городе или в другой стране. Другой всегда «переживается» человеком как важнейшее «событие мысли» (Б.М. Гаспаров) и «событие души», поэтому человек так внимателен к нему, так присматривается к его лику, его культурным практикам, особенностям его речи, движениям мысли и души. «Кто он такой, откуда взялся, чего в конце концов хочет, и какова его личная заинтересованность, которой не может же не быть» – слова Татьяны Толстой о «феномене Горбачева», провозгласившего идею «нового мышления» как «другого пути» страны.

Узнавание другого происходит, конечно, по-разному: через чтение книг, изучение языков, на научных семинарах и конференциях, в туристических поездках, на основе личного опыта или рассказов друзей, благодаря масс-медиа, ставших сегодня основным мировоззренческим ресурсом, целенаправленным на упорядочение общественного сознания, на продвижение социальных идей в соответствии с их идеологией, на разработку содержательных форм (знаний, оценок и норм), определяющих речеповеденческие тактики современного человека. Поэтому чрезвычайно важно обратить внимание на ключевые смыслы и идеи, которые предлагаются современному обществу и которые, таким образом, формируют культурно-интеллектуальный ландшафт жизни.

Наиболее востребованной в публичном диалоге сегодня становится семантика границы, обнаруживающаяся в таких понятиях, как глобализация, универсализация, культурная традиция, регионализация, толерантность,

ксенофобия, ксенологизация и др. Наиболее обсуждаемым становится проблемное поле этнокультурной личности. Так, например, Ю. М. Поляков, редактор «Литературной газеты», пишет: «Вы давно видели на центральных каналах российского ТВ поэтов, прозаиков, публицистов из Татарстана, Якутии, Тувы, Дагестана, Адыгеи, Коми, Осетии, Башкирии? Я вообще не видел. Справедливости ради надо сказать, что и нормальных русских писателей в эфире тоже почти нет. Увы, этническое однообразие “лиц каналов” заставляет иной раз вспомнить скупой ассортимент захолустного сельпо. Ксенофобия, или “чужебоязнь”, надо признать, это всего лишь острое, опасное, порой постыдное выражение естественных внутренних процессов этнического сопротивления, и связано оно не с врожденной агрессивностью, а с тревогой народа за свою будущность. Запрещать ксенофобию – примерно то же самое, что разгонять тучи над Красной площадью перед парадом. Дождь потом все равно пойдет, но будет гораздо сильнее, а возможно, и с “градом”. Надо устранять причины – источники этнических тревог. Беру на себя смелость утверждать: нынешнее российское телевидение провоцирует ксенофобию, невольно включая подсознательные инстинкты этнического самосохранения» [Поляков 2011].

Культурная универсализация, запущенная процессами глобализации жизни, интерпретируется по-разному: либо как путь выработки общих норм, общих ценностей, отражающих духовный опыт человечества и общую заинтересованность в социальной гармонии, либо как «навязывание общечеловеческой культуры», как потеря этнокультурной самобытности, потеря границ собственного мира, как разрушение культурных основ бытия человека и, соответственно, как «путь в никуда».

Сегодня настойчиво задаются вопросы, требующие своего незамедлительного, но взвешенного, разумного ответа. Имеет ли человек право на свою этническую культуру? На защиту своих духовных границ, обозначенных символами и традициями родной культуры, символами большой и малой родины? Имеет ли человек право на защиту своего духовного выбора? Существует ли свобода от собственной этнической культуры как нравственный выбор личности и как ее политическое право? Имеет ли человек право на защиту своей свободы как обнаружения своей воли к выбору и творчеству? И каковы «границы» этого права и свободы?

Каждый народ имеет общие или во многом совпадающие рекомендации поведения в чужом доме. Русские имеют пословицу «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Англичане – «when in Rome do as the Romans do». Итальянцы – «Quando a Roma vai, fai come vedrai». Поляки – «w cudzym domu gęse za pas zatkniј». Но где начинается чужое в том мире, который уже не только открыто декларировал, но и осуществил во многом право личности на свободу передвижения и выбора дома? Сопровождается ли это право выбора признанием другого права человека, где бы он ни находился, – на культуросубъектности? Как современный человек должен относиться к исторически чужому, если оно сегодня стало фактом и его жизни? Быть толерантным, терпимым? Как справедливо замечает С. Жижек, «легко быть

терпимым, когда у окружающих те же представления о правах человека, что и у тебя. Что делать, когда это не так?» [Серебряная 2001].

Это – важнейшие проблемы, активно обсуждаемые современными обществами, однако пока, пожалуй, нигде не нашедшие своего окончательного и непротиворечивого решения. В многочисленных дискуссиях внятно формулируется мысль о том, что требование межкультурного диалога не должно приводить к деградации суверенных культур, что должно быть «согласие на мирное разногласие». Тем не менее, как показывает анализ масс-медиа, в ответ на глобализацию инициируется диаметрально противоположный процесс – сегментации социального мира, в ее разных версиях, таких, как:

- этнизация – сосредоточенность социальной мысли на этнических и религиозных корнях общества, включение этнокультурного как важнейшего мотивирующего фактора в социальное пространство и социальные практики [7];

- регионализация – отрефлексированная духовно-социальная активность, в основе которой лежит понимание региона как самоценной, имеющей свои границы культурно-исторической общности и которая направлена на разработку ментальной истории региона, на «вписывание» прошлого духовного опыта в контекст современной жизни, на разработку регионального пространства памяти, продвижение региональных символов и регионального культурно-символического ономастикона;

- сепаратизация – духовное обособление стран, регионов или определенных социальных групп на основе приписывания позитивной исключительности собственных культурных ценностей и традиций и их жесткого противопоставления социокультурному окружению;

- эгоцентризация – процесс жесткого самообособления человека, эмфатиизации своеобразия и исключительности собственного «я» на основе ревизии или даже категорического неприятия содержательных образцов окружения. Данная установка, например, обнаруживается в словах Светланы Конеген, ведущей программы «Деликатесы» на ТВЦ: «Свобода – это наличие у каждого выбора: хочу чай пью, хочу пиво, хочу – женюсь на своей кошечке».

Важно обратить внимание также на то, что в современном публичном диалоге акцентируются зачастую, прежде всего, различия. Причем усиленная диверсификация формирует образ другого не как альтернативно истинного, не как иного, отличающегося самобытным способом мысли и переживания, а как чужого или даже чуждого, и, соответственно, неприемлемого, порицаемого. Разговор о себе также становится зачастую слишком упрощенным, прямолинейным, обращенным либо только на позитивное, либо только на негативное. Едва ли это справедливо: человек живет и контекстами (а они бывают разными), программирующими жизнь, и творчеством, экспромтами.

Нет сомнений в том, что нужно серьезно относиться к обстоятельствам не только глобальной, но и текущей жизни, в которой всегда присутствует другой, определяющий характер как субъективно-личностных, так и глобальных сюжетов. Исследование феномена языкового и культурного своеобразия, выявления не только различия, но и сходства имеет весьма позитивную роль.

Современный мир в условиях стремительно проходящих процессов глобализации обретает новые формы своего бытия и своего сознания, которые определяются посредством таких понятий, как глобальная информация, глобальные информационные сети, мобильность (социальная, академическая, профессиональная, культурная, личностная). Это ставит новые задачи и перед академической наукой, перед преподавателями иностранных языков, в том числе, разумеется, и русского как иностранного или неродного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова О.А. Наследие Д.С. Лихачева и культура открытого мира. как возможен диалог? // Режим доступа: [http://www.rusliberal.ru/books/ZHukova_Lihachevskie chteniya.pdf].
2. Лихачев Д.С. Диалоги // Лихачев Д.С. Круг чтения. – М., 1991.
3. Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. – М., 1977.
4. Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. – 1994. – № 5. – С. 5 – 19.
5. Поляков Ю. Лезгинка на Лобном месте // Литературная газета. – 2 февраля 2011 г.
6. Савинов Л.В. Смыслы и ценности этнополитики // Диагностика социального мира. Режим доступа: [<http://www.litera.inst-et.ru/admin/pdf/20110221102947file.pdf>].
7. Серебряная О. Западный пацифизм // Русский журнал. – 13 марта 2001. – Режим доступа: [<http://old.russ.ru/politics/west/20010313-zh.html>].

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ В РАМКАХ ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕГО ДИСКУРСА

к.филол.н., доцент Россолова О.А.

Россия, г. Петропавловск-Камчатский, ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга»

Статья посвящена комплексному исследованию коммуникативно-прагматических и структурно-семантических свойств акта угрозы, позволяющих реализовать значение адресованности в рамках ситуации коммуникативного взаимодействия; материал может быть использован при обучении иностранных граждан анализу и интерпретации русского дискурса.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическое описание языка, речевой акт угрозы, семантико-прагматические параметры, коммуникативное взаимодействие, адресованность.

The article is devoted to complex study of the communicative-and-pragmatic and structural-and-semantic properties of speech's act of threat act, let us realize the importance of addressing in the situation of the communicative interaction.

Key words: communicative-and-pragmatic description of the language, speech's act of threat, semantic-and-pragmatic parameters, communicative interaction, addressing.

Изучение проблем совместной деятельности передающего информацию и воспринимающего её, формирования и развёртывания языковой картины мира, вопросов, связанных с развитием языковой личности, с взаимодействием говорящего и слушающего стало особенно интенсивным в последнее время. В речевом контакте говорящего и слушающего некая идеальная сущность –